

БОРИС СЛАВИН

Бухарин и Грамши: два взгляда на историю

В истории общественной мысли есть тексты, которые со временем не теряют, а приобретают все большую актуальность, ибо затрагивают глубинные философские вопросы, определяющие познание и мировоззрение многих людей. К таким текстам можно отнести книгу Николая Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник по марксистской социологии»¹ и связанные с нею «Критические заметки о попытке создания “Популярного очерка по социологии”», написанные основателем компартии Италии Антонио Грамши².

Вышедшая в свет в 1921 году, книга Н. Бухарина, фактически, была первым большим учебником по историческому материализму, по которому многие люди приобщались к марксистскому мировоззрению. Его следы оставили отпечаток почти на всех более поздних отечественных учебниках по философии и общественным наукам, включая сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», идеи которого, как известно, внедрялись в головы нескольких поколений советских людей.

¹ См. **Н. И. Бухарин**. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., 1921.

² Антонио Грамши писал свои «Критические заметки...» в 1930-е годы, сидя в фашистской тюрьме. Для работы над ними он использовал французский перевод книги Н. Бухарина, изданной в 1927 году.

«Критические заметки...» менее известны, так как их публикация, как и всех «Тюремных тетрадей» А. Грамши, частью которых они являются, была впервые осуществлена в Италии в послевоенные (1948—1951) годы, а для русского читателя они стали доступны намного позднее. Напомню, что избранные произведения А. Грамши в трех томах на русском языке вышли в конце 1950-х годов, а полное издание его «Тюремных тетрадей» было опубликовано лишь в 1990-е, то есть пятьдесят с лишним лет спустя после смерти их автора³.

Книга Н. Бухарина и «Критические заметки...» А. Грамши, на наш взгляд, интересны тем, что дают возможность сравнить между собой в рамках одного марксистского мировоззрения совершенно различные теоретические подходы к осмыслению общества и истории⁴. Здесь мы фактически сталкиваемся с двумя концепциями понятия «исторический материализм», где автор «Популярного очерка по социологии»

³ См. **А. Грамши**. Тюремные тетради. В 3 ч. Пер. с ит. М., «Политиздат», 1991. Ч. 1. Далее в статье «Критические заметки...» А. Грамши цитируются по этому изданию.

⁴ Данный факт полностью опровергает современную официозную идеологию о сугубо догматическом характере марксистской философии. См. об этом: **В. С. Семенов**. Судьбы философии в современной России. М., 2011.

логии» стремится обосновывать материалистический аспект этой философии, а его предшественник — не менее важный ее исторический аспект. При этом первый апеллирует к авторитету естественно-научного знания, а второй — к авторитету диалектики как логики и теории познания. Каковы же основные идеи учебника Н. Бухарина? И в чем конкретно состоит критика этого учебника со стороны А. Грамши?

Создавая свой учебник, Н. Бухарин связывал с ним задачу не только популяризации, но и развития марксистского мировоззрения. Он, в частности, писал: «В своей книге “Теория исторического материализма” я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые *другие формулировки того же самого*, с другой — *уточнить и развить* положения теории исторического материализма, *продвинуть дальше* разработку его проблем. Как известно, Энгельс незадолго до своей смерти говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уже сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи»⁵.

Если Н. Бухарин выпускал в свет свою книгу с целью «продвинуть дальше» теорию исторического материализма, то А. Грамши, напротив, увидел в ней попытку позитивистского искажения целостного марксистского мировоззрения, его философии истории. По его мнению, Н. Бухарин своей книгой совершил подмену марксовой теории исторического материализма частной

наукой — социологией и лежащим в ее основе метафизическим материализмом. С его точки зрения, бухаринский учебник стал не только далеким от аутентичного марксистского мировоззрения: он представил своеобразную «вульгаризацию» и даже «карикатуру» на подлинные философские взгляды Маркса, Энгельса и Ленина.

Что же лежало в основе таких противоположных и даже крайних оценок книги «Теория исторического материализма»? На наш взгляд, совершенно различное понимание Н. Бухариным и А. Грамши марксистского мировоззрения вообще и исторического материализма в частности. Так, для Н. Бухарина теория исторического материализма означала, прежде всего, науку о единых законах общественного развития, аналогичных законам природы. Он писал: «Есть среди общественных наук две важные науки, которые рассматривают не отдельную область общественной жизни, а всю общественную жизнь во всей сложности... Такими науками являются история — с одной стороны, социология — с другой... История прослеживает и описывает, как протекал поток общественной жизни в такое-то время, в таком-то месте... Социология же ставит общие вопросы: что такое общество? От чего зависит его развитие и его гибель?.. Социология есть наиболее общая (абстрактная) из общественных наук... История дает материал для социологических выводов и обобщений. Социология в свою очередь указывает... метод для истории»⁶.

Совершенно иначе трактовал «метод для истории» А. Грамши: он связывал его не с социологией, а с диалектико-материалистическим пониманием истории. Как известно, философско-теоретические взгляды А. Грамши сформировались под влиянием работ Маркса, Энгельса, Ленина. Вопреки

⁵ Н. И. Бухарин. К постановке проблем исторического материализма. Беглые заметки 1923 г. — Он же. Избранные произведения. М., 1988. С. 39.

⁶ Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма. С. 10–12.

мнению некоторых современных исследователей его творчества, видящих в нем «немарксистского философа»⁷, он считал себя их учеником и последователем. Грамши видел в основателях и классиках марксизма одновременно мыслителей и революционеров, создавших и развивших оригинальное историко-материалистическое мировоззрение (*Weltanschauungen*), которое принципиально отличалось от всех других мировоззрений своей диалектикой и практической направленностью. Отсюда и название этого мировоззрения — «философия практики».

С точки зрения Грамши, Маркс был основателем и творцом данного мировоззрения. Ленин, или, как его конспиративно называл Грамши, Илич, — продолжателем дела Маркса в новых исторических условиях, воплотителем его мировоззрения в жизнь. По Грамши, противопоставлять Маркса и Ленина — значит противопоставлять одну сторону марксистского мировоззрения другой, теорию — практике, мысль — действию. Марксизм, или «философия практики», по Грамши, представляет собой единство теории и практики, мысли и действия. В нем полностью осуществлен «переход от утопии к науке и от науки к действию»⁸.

Название «философия практики» у Грамши прикрывало, по цензурным соображениям, понятие «марксизм». Одновременно оно указывало на глубинную основу существования общества и истории, лежащую в сфере трудовой практической деятельности людей. Для А. Грамши марксизм в целом и исторический материализм в частности были, конечно, не социологией, а своеобразной «философией истории», то есть теорией и методом ее познания.

В этом смысле его взгляды противостояли как идеалистической, так и вульгарно-материалистической интерпретации истории. Последние были в основе своей тождественны друг другу. «Если „спекулятивный идеализм“ — это наука о категориях духа, обладающего способностью к синтезу *arctōi*, то есть форма антиисторичной абстракции, — писал он по этому поводу, — то философия, в скрытом виде заключенная в „Популярном очерке“, — это идеализм наизнанку в том смысле, что здесь эмпирические понятия и классификации заменяют собой спекулятивные категории, но сами столь же абстрактны и антиисторичны...»⁹

Если сторонники идеалистического прочтения истории видели в ней конечный результат действия сугубо идейных или духовных начал общественной жизни, а сторонники метафизического материализма — проявление неких естественных (механических или биологических) законов развития, то А. Грамши рассматривал ее как выражение деятельности и борьбы людей, объединенных между собою общими интересами в большие социальные группы, сословия, классы и т. д. С его точки зрения, иной взгляд на человеческую историю по сути своей исключал возможность революционного изменения существующего буржуазного общества, фактически служил его идеологическим оправданием.

Исходя из этого, А. Грамши был уверен, что теория исторического материализма в форме «марксистской социологии», о чем говорил в своем «Популярном учебнике...» Н. Бухарин, есть отказ от философского, или теоретического, постижения истории, ибо «любая социология предполагает наличие некой философии, некоего мировоззрения, будучи подчиненным ему фрагментом»¹⁰.

⁷ См. «Материалы Итало-русского симпозиума „Антонио Грамши — 70 лет спустя“». М., ИНИОН. 2007.

⁸ А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С.100.

⁹ Там же. С.165.

¹⁰ Там же. С.156

По А. Грамши, сведение «философии практики», в частности исторического материализма, к социологии является «кристаллизацией худшей тенденции, уже подвергнутой критике Энгельсом»¹¹. Он полагал, что рассмотрение общественной науки по аналогии с естественными науками есть проявление дурного сциентизма, мешающего постигать сложные и разнокачественные явления общественной жизни. По его мнению, историю общественной жизни вообще невозможно постичь, абстрагируясь от «философии практики» и ее диалектического метода. Социология «Популярного учебника...», считал А. Грамши, базируется на эволюционизме, «не ведающего принципа диалектики о переходе количества в качество, переходе, не позволяющем понимать в духе вульгарного эволюционизма никакую эволюцию, никакой закон единообразия»¹².

Несмотря на подобные обвинения, Н. Бухарин был убежден, что его социология, напротив, продолжает известную марксистскую традицию сугубо материалистического прочтения диалектики Гегеля и всей человеческой истории. Находясь под влиянием работ А. Богданова, Н. Бухарин пытался соответственно интерпретировать не только исторический материализм, но и известную гегелевскую формулу диалектики («тезис — антитезис — синтез»). Стремясь найти ее материалистический аналог, он трактовал ее как проявление динамики различных механических систем, переходящих из неравновесного состояния к равновесному и обратно. В связи с этим он писал: «Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, то есть *в формах движущейся материи находить то, чему "соответствует" диалектическая формула Гегеля*. Непрестанное

столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. — вот что *реально* соответствует гегелевской триединой формуле»¹³.

Как мы видим, Н. Бухарин здесь понимает материализм как подмену всеобщих понятий диалектики частными понятиями организационной науки («тектологии»). Это во многом напоминает трактовку материализма Фейербахом, который искал и находил аналог «святого семейства» в «земном семействе». Следует заметить, что для Маркса подлинно материалистическим методом является не «сведение», а «выведение» идеального начала из реального, например религиозных воззрений из реально существующих противоречий общественной жизни. В связи с этим Маркс писал, что «много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический...»¹⁴.

И тем не менее социология для Н. Бухарина была, в отличие от философии, примером проявления подлинного материализма и научности в познании общественных явлений, позволяющим открывать законы общественной жизни и предсказывать ее будущее: «Если мы знаем законы общественного развития, т. е. пути, по которым неизбежно идет общество, направление развития, то нам не трудно определить и будущее общества»¹⁵. При этом, трактуя социологию по аналогии с механикой, при-

¹³ Н. И. Бухарин. К постановке проблем исторического материализма. С. 41.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 383.

¹⁵ Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма. С. 47.

¹¹ Там же. С.157.

¹² Там же. С.155—156.

меняющей количественные методы измерения, он допускал со временем возможность абсолютно точных предсказаний всех общественных процессов. По его мнению, «мы пока не можем предсказывать срока наступления того или иного явления. Это происходит потому, что мы еще не располагаем такими знаниями законов... которые можно было бы выразить в точных числах. Мы не знаем *скорости* социальных процессов, но мы имеем возможность знать их *направление*»¹⁶.

Совершенно иную точку зрения на роль и возможности науки и философии обосновывал А. Грамши в своих «Критических заметках...». Он считал, что следует развенчать миф об универсальности естествознания и ее количественных методов. Человеческое познание гораздо шире наук о природе, пользующихся преимущественно такими методами. Так, познание не может обойтись без диалектической философии, объясняющей противоречивые и качественные явления природной и общественной жизни, вскрывающей глубинный источник их движения и изменения.

Не подменяя собою частные науки и их специфические методы, диалектика в то же время показывает определенные границы их компетенции. Так, на примере истории она демонстрирует невозможность абсолютно точного (вплоть до указания места и времени) предвидения многих общественных явлений и процессов. По мнению А. Грамши, «познается то, что было, или то, что есть, а не то, что является “несуществующим” и, следовательно, непознаваемым по определению»¹⁷. Особенно это относится к явлениям в сфере политики, в частности к различным государственным переворотам, войнам, революциям и т. д. Исследователи этих явлений знают, что точное

предсказание их просто невозможно или чрезвычайно затруднено.

Не могут в этом помочь и данные статистики, закон больших чисел и другие количественные методы, применяемые в социологии для познания массовых явлений. А. Грамши это поясняет следующим образом: «В самом деле, применение в политике статистического закона в качестве основного, действующего с неизбежностью становится не только научной ошибкой, но и приобретает характер практической ошибки в действии и сверх того способствует умственной лености и поверхностности в составлении программ. Следует заметить, что политическая деятельность направлена как раз на то, чтобы вывести массы из пассивного состояния, то есть нарушить закон больших чисел; как же можно считать этот закон социологическим?»¹⁸

Невозможность эффективного применения сугубо количественных методов к истории связана не только с тем, что многие ее явления носят своеобразный или уникальный характер, а с тем, что история, в частности политика, связана с постоянной борьбой социальных сил, однозначные итоги которой заранее невозможно знать, а следовательно, и предвидеть. «Реально можно “предвидеть” что-либо лишь постольку, поскольку совершается определенное действие, прилагается определенное усилие воли и, следовательно, вносится конкретный вклад в достижение того результата, который “предвидится”», — резюмирует А. Грамши¹⁹. Эта мысль во многом перекликается с известной фразой Наполеона, которую любил повторять В. И. Ленин: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет».

Рассуждая на эту тему, А. Грамши писал: «В действительности можно “научно” предвидеть только борьбу, но

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С. 166.

¹⁸ Там же. С. 158.

¹⁹ Там же. С. 166.

не конкретные ее моменты, которые всегда бывают результатом столкновения противостоящих друг другу сил, находящихся в постоянном движении, не сводимых к фиксированным количественным величинам, потому что в них количество постоянно переходит в качество»²⁰. Здесь А. Грамши во многом следовал воззрениям итальянского марксиста А. Лабриолы на историю: «Самый факт, что в основе всей истории лежат противоречия, противоположности, борьба, войны, объясняет решающее влияние определенных людей при определенных обстоятельствах»²¹. А. Грамши также связывал движение истории и ее предвидение не с механическим действием таких, например, факторов, как «природа человека» или абстрагированные от человека и его общественных отношений «производительные силы», «средства производства», «техника» и т. п., а с практической деятельностью самих людей и их социальных групп, действующих всегда в конкретных обстоятельствах.

Как уже отмечалось, философские взгляды А. Грамши сложились под влиянием работ основоположников марксизма и Ленина. Они принципиально отличались от вульгарно-материалистических и эволюционистских интерпретаций марксизма, которые много лет господствовали в среде немецких, французских и итальянских социалистов XIX и начала XX века. С их точки зрения, марксизм был своеобразным дополнением к учениям Дарвина²² или Спенсера. Под влиянием этих учений, например, итальянские социалисты долгое время считали, что переход от капитализма к социализму «совершится так же закономерно и фатально

неизбежно, как переход от обезьяны к человеку». Задача социалистической партии в этом случае заключалась лишь в том, чтобы «по мере сил и возможностей способствовать этому естественному процессу»²³. Такое понимание истории и социалистического движения совершенно исключало возможность не только революционного изменения действительности, не только служило идеологическим оправданием сотрудничества рабочего класса с буржуазией, но и порождало нередко сугубо пассивное отношение социалистов к таким явлениям, как приход фашизма к власти в Италии и Германии²⁴.

Не разделял Грамши и идеалистическую трактовку марксизма со стороны крупного итальянского философа-гегельянца Бенедетто Кроче, который, например, доказывал изначальное духовное превосходство интеллигенции над «грубым материализмом» и «здравым смыслом» трудящихся, которым в политике не стоит предавать большое значение. А. Грамши считал, что подлинный марксизм, или «философия практики», напротив, требует никогда не игнорировать развития массового сознания. В связи с этим одним из недостатков книги Н. Бухарина он считал как раз ее отрыв от обыденного сознания масс. Он писал по этому поводу: «Такое произведение, как “Популярный очерк”, предназначенное преимущественно для читателей, не принадлежащих к профессиональной интеллигенции, должно было бы исходить из критического анализа философии обыденного сознания, “философии не философов”, то есть мировоззрения, некритически позаимствованного из различных социальных и культурных сфер, где формируется моральный

²⁰ Там же. С. 165–166

²¹ А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 183.

²² Об увлечении К. Каутского Дарвиным см. С. В. Кретинин. Карл Каутский. 1854–1914. Воронеж, 2007. С. 125.

²³ Об этом подробнее см. Б. Р. Лопухов. Антонио Грамши. М., 1963. С. 17.

²⁴ Подробнее об этом см. Б. Ф. Славин. Идеология возвращается. М., 2009. С. 405–409.

облик среднего человека»²⁵. Последнее всегда нуждается во внимательном изучении, а при необходимости — в подъеме до уровня высокой культуры. По его мнению, без такой культуры, без соответствующих знаний и способностей масс невозможно сознательно управлять общественными процессами. В этом смысле «философия практики» не должна быть только философией элиты общества. Она представляет собой такое мировоззрение, которое в перспективе должно охватить широкие массы народа.

С точки зрения Грамши, марксизм, или «философия практики», с одной стороны, вобрал в себя лучшие достижения человеческой мысли прошлой истории, включая немецкую классическую философию, французский материализм и социализм, английскую политэкономия. С другой стороны, он как сугубо новое мировоззрение принципиально отличается от этих идейных источников своими оригинальными подходами к истории и общественной жизни. Поэтому А. Грамши был уверен, что марксистское мировоззрение нельзя сводить к уже известным философским взглядам прошлого — будь то немецкая классическая философия или французский материализм и социализм. Именно эту ошибку допускал, например, идеалист Б. Кроче, отождествлявший марксизм с философией Гегеля, или материалист Н. Бухарин, сводивший его к метафизическому материализму XVIII века.

А. Грамши, конечно, считал «философию практики» учением, нуждающимся в своем идейном развитии и популяризации. При этом он не допускал его упрощения или вульгаризации. По его мнению, «опыт, лежащий в основе “философии практики”, нельзя схематизировать, ибо он — сама история в ее бесконечном разнообразии и

изменчивости...»²⁶. Даже известная схема деления марксизма на «три составные части» в определенной степени противоречит органической целостности марксистского мировоззрения. «Весьма распространено представление, что философия практики — чистая философия, наука о диалектике, а другие части — это политическая экономика и политика...» — писал по этому поводу А. Грамши. — Это представление является скорее поиском исторических истоков, чем классификацией, идущей из недр учения, оно не может быть противопоставлено в качестве окончательной схемы какой-либо другой организации учения, более точно отражающей действительность. Если спросят, не является ли философия практики именно теорией истории, следует отвечать: да, является, но поскольку от истории неотделимы политика и экономика...»²⁷ Формальное изложение различных сторон марксизма в учебнике Н. Бухарина, по мнению Грамши, является как раз следствием недопонимания автором органического единства различных сторон «философии практики» как сугубо нового мировоззрения рабочего класса.

Неоднократно подчеркивая мысль о тождестве «философии практики» и теории истории, А. Грамши, естественно, не мог принять тезис Н. Бухарина о тождестве исторического материализма и социологии. Со своей стороны А. Грамши считал такое понимание исторического материализма ошибочным и «логически не обоснованным»: «...если автор “Популярного учебника”, с одной стороны, считает истинной философией — “философский материализм”, то как следует понимать его утверждение о тождестве исторического материализма и социологии?»²⁸

²⁵ А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С.149.

²⁶ Там же. С.157.

²⁷ Там же. С.159.

²⁸ Там же. С.155.

А. Грамши считал, что подобное «социологическое» толкование истории приводит в левой среде к искаженному восприятию марксизма. Именно под его влиянием это учение стало рассматриваться как механистическое мировоззрение, в котором законы истории отождествляются с законами социологии и механики, где техника жестко определяет экономику, а последняя — политическую надстройку, нравственность и идеологию. Как известно, дань такому толкованию марксизма отдали такие сторонники «экономического марксизма», как П. Лафарг во Франции, К. Каутский в Германии, либеральные марксисты, Г. Плеханов и Н. Бухарин в России, не считая более поздних их последователей.

Вот характерный пример такого толкования Бухариным: «Во-первых, из путаницы, царящей в буржуазном лагере, не следует создавать путаницы у себя. Где место исторического материализма? Это не есть политическая экономия. Это не есть история. Это есть общее учение об обществе и законах его развития, то есть социология. Во-вторых, то обстоятельство, что она (теория исторического материализма) есть метод для истории, ни в коей мере не уничтожает ее значения как социологической теории. Очень часто более абстрактная наука дает точку зрения (то есть метод) науке менее абстрактной. Так обстоит дело и здесь». Конкретизируя этот вывод, он добавлял: «У рабочего класса есть своя, пролетарская социология, известная под именем исторического материализма... Иначе она называется материалистическим методом в истории или просто “экономическим материализмом”»²⁹. Как известно, аналогичную трактовку исторического материализма у некоторых своих последователей во Франции Маркс вообще отказывался называть

марксизмом. Он прямо говорил, что если они себя считают марксистами, то в этом случае «ясно одно, что сам я не марксист»³⁰.

Некоторые исследователи считают, что «среди российских теоретиков, породивших разные версии марксистской теории в целом, Н. И. Бухарин был первым, кто выделил социологию в отдельную науку, указал на ее предмет — общие законы функционирования и развития общества»³¹. С этим утверждением можно согласиться, но только в одном случае: если не смешивать социологию с теорией, или философией истории, каковой в марксизме и выступает исторический материализм. В то же время отождествление социологии с историческим материализмом, как это делал Н. Бухарин в своем «Популярном учебнике...», превращало исторический материализм в некую абстрактную схему, применимую к любому обществу. Со своей стороны А. Грамши считал, что опыт, лежащий в основе «философии практики», вообще «нельзя схематизировать, ибо он — сама история в ее бесконечном разнообразии и изменчивости»³².

Н. Бухарин считал, что его исторический материализм заимствован из марксовой характеристики материалистического понимания истории, содержащийся в Предисловии «К критике политической экономии». На самом деле такое заимствование, на наш взгляд, носило сугубо формальный характер. В итоге оно свелось у

³⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 35. С. 324; Т. 37. С. 370.

³¹ О. М. Минтус. Эволюция философских взглядов Н. И. Бухарина. Канд. дисс. Нижневартовск, 2003. Аналогичную оценку книге давал и Питирим Сорокин. Он считал, что после Г. Плеханова это «одна из самых удачных книг на русском языке, дающих систематическое построение марксистской социологии самими марксистами» (см. П. А. Сорокин. Рецензия на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии». М., 1922).

³² А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С.157.

²⁹ Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма. С. 12.

него к следующей иерархии понятий, характеризующих общество: производительные силы — производственные отношения (экономический базис общества) — политическая и идеологическая надстройка.

Но если у основоположников марксизма данные категории исторического материализма вытекали из истории политической экономии и анализа конкретных явлений и форм общественной жизни, то в «Популярном учебнике...» они превращались в абстрактную схему, которая навязывалась конкретной истории. Критикуя подобную позицию у Пауля Эрнста, Ф. Энгельс писал: «Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»³³.

Следует согласиться с рядом исследователей творчества Н. Бухарина в том, что вышеприведенная схема заложила длительную, но, на мой взгляд, не лучшую традицию преподавания исторического материализма в высшей школе. Дело в том, что у тех, кто пользовался подобной абстрактной схемой, как правило, возникала фактически на пустом месте иллюзия углубленного знания истории. А. Грамши иронично называл таких людей «гениеподобными», которых особенно много среди начинающих преподавателей, публицистов и журналистов. Использование данной схемы, как правило, порождало и одностороннее толкование таких категорий исторического материализма, как «производительные силы», «техника», «способ производства», «надстройка», «идеология», «формация» и др. Остановимся подробнее на

некоторых из них, нашедших свое отражение в «Критических заметках...» А. Грамши.

Однако сначала о так называемых ортодоксах марксизма, которые не замечали его диалектического духа. К ним А. Грамши относил и Н. Бухарина: «...так называемые ортодоксы, озабоченные тем, чтобы найти философию, которая была бы в соответствии с их очень ограниченной точкой зрения чем-то большим, нежели “просто” истолкование истории, в основном отождествили ее с традиционным материализмом»³⁴. Так, исследуя, например, природу, они не видели ее диалектического характера, тем более они не понимали действительной истории с ее постоянным взаимодействием базиса и надстройки, активной ролью людей и идеологии в жизни общества. Для такого материализма идеологическая надстройка всегда была лишь отражением базиса, не более того. Отсюда, на наш взгляд, вытекали некоторые ошибки Г. Плеханова. Например, его социологическая интерпретация творчества Толстого, ура-патриотическая позиция в оценке Первой мировой войны, явная недооценка исторического и интернационального значения революции 1905 года и Октябрьской революции.

Полемизуя с Н. Бухариным, А. Грамши считал, что сведение им «философии практики» к социологической науке приводит его к явному преувеличению в познании роли механической причинности вообще и экономической причинности в частности. Подобное преувеличение просто не в состоянии объяснить диалектическую взаимосвязь свободы и необходимости, соотношение цели и средств, роли масс и личности в истории. По мнению А. Грамши, дело в том, что в рамках механического детерминизма следствие «никогда не

³³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 37. С. 351.

³⁴ А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С. 107.

сможет превзойти причину»³⁵, а это ведет к тому, что в теории начинает господствовать эволюционизм, не способный понять и тем более объяснить «переворачивание практики», то есть революционное изменение существующего общества.

Полемизируя с подобными ложными интерпретациями марксистского мировоззрения, А. Грамши, как уже отмечалось, ссылаясь на Ф. Энгельса, который в письме к Йозефу Блоху от 21—22 сентября 1890 года отмечал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки»³⁶. Аналогичную мысль Энгельс повторил через четыре года в письме к В. Боргиусу, подчеркнув, что историю делают люди: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным»³⁷. Такой причиной может быть, например, государственная политика «покровительственных пошлин, свободы торговли», даже «смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина», выражающаяся в «пиетизме» и «сентиментализме»³⁸.

В связи с этим есть смысл более подробно остановиться на трактовке Н. Бухариным принципа причинности и свободы человеческой воли. По его мнению, «причинная связь есть необходимая, постоянно и повсеместно наблюдаемая связь явлений — больше ничего». Любое действие человека имеет свою определенную причину, и поэтому никакой свободы воли быть не может. Свобода воли всегда подчинена какой-то конкретной причине, являющейся законом природы и общества. «Если даже люди все сознательно регулируют и все совершается в обществе так, как они хотят, — пишет Н. Бухарин в своем учебнике, — то и тогда для объяснения явлений необходима не телеология, а рассмотрение причин явлений, то есть нахождение причинной зависимости. А поэтому в этом вопросе нет никакой разницы между общественными науками и науками о природе»³⁹.

Исходя из такого понимания принципа детерминизма, вся история приобретает фаталистический, даже мистический характер. Дело в том, что случайности, конечно, встречаются и в природе, и в обществе. Мало того, необходимость очень часто пробивает себе дорогу именно через такие случайности, выступая в форме тенденции.

О тенденциальном характере общественных закономерностей неоднократно говорил К. Маркс, рассматривая, например, общую норму прибыли, которая «всегда существует лишь как тенденция»⁴⁰. Похожее понимание общественных явлений демонстрировал и В. И. Ленин. Например, полемизируя с Р. Люксембург, он, в частности, отмечал: «Иногда революционеры пытаются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает...

³⁵ Там же. С. 165.

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 37. С. 395.

³⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 39. С. 174.

³⁸ См. там же. С. 175.

³⁹ Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма. С. 27

⁴⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. С. 401.

Пытаться “доказывать” наперед “абсолютную” безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и словечки. Настоящим доказательством в этом и подобных вопросах может быть только практика, только опыт»⁴¹.

Осмысливая похожую проблему в своих заметках о свободе воли, советский философ Э. Ильенков писал о соотношении цели, в которой выражена объективная потребность, и единичных, подчас случайных, условий и шагов в ее достижении: «Действие, преодолевающее рабскую зависимость от ближайших (случайных, единичных) обстоятельств-условий, и есть элементарный акт свободы, действие по цели (осознанной потребности)»⁴². Здесь уместно вспомнить слова поэта, который считал, что человеческий опыт есть «сын ошибок трудных». Но разве такой опыт не является преодолением непредвидимых условий и случайностей в человеческой практике? Думаю, является — иначе вообще не возникали бы ошибки.

Свободное действие по достижению цели — это свойство, присущее любой сознательной деятельности людей. Достаточно в связи с этим напомнить известное марксово сравнение деятельности архитектора и пчелы⁴³: первый творит свободно, исходя из своей цели; вторая творит по инстинкту, то есть является своеобразным живым автоматом. Свободная деятельность по достижению цели есть отличительный признак причинности в человеческом обществе, который нередко называют «антропным принципом»⁴⁴. Понятно,

что он не менее важен, чем принцип механической причинности.

Понимание последней наиболее наглядно проявилось у Н. Бухарина в его стремлении найти конечную причину общественного развития, которую он связывал с техникой. Повидимому, он считал, что, чем ближе к «материальному» предмету, тем «ортодоксальнее»⁴⁵. По его мнению, именно развитие техники порождает изменение в производительных силах и производственных отношениях. Такое одностороннее понимание роли техники в истории естественно встретило критику со стороны А. Грамши и такого левого философа, как Г. Лукач.

На наш взгляд, говоря о технике, не следует забывать, что главной и определяющей производительной силой в обществе является сам человек: именно он в конечном счете создает технику и движет историю. Он од-

**Главной и определяющей
производительной силой
в обществе является
сам человек: именно он
в конечном счете создает
технику и движет историю.**

новременно выступает и элементом производительных сил, и субъектом производственных отношений. В этом смысле никакого автоматизма во взаимодействии производительных сил и производственных отношений не существует. Историю делают люди, а не некие анонимные «производительные силы» или «производственные отношения» — как это вытекает из текста «Популярного учебника...» по теории исторического материализма.

Критические высказывания А. Грамши по поводу роли техники в обществе и истории во многом совпадают

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 227–228.

⁴² Э. В. Ильенков. Фихте и «свобода воли». — www.Ilyenkov/texts/phe/fichtela.html

⁴³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 189.

⁴⁴ Об этом см. Л. Науменко. Человек в креативной Вселенной. Антропный принцип. — «Альтернативы». 2011. № 3.

⁴⁵ См. А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С. 188

с трактовкой этого явления у Г. Лукача. Так, в своей рецензии на книгу Н. Бухарина «Теория исторического материализма» Г. Лукач писал, что Н. Бухарин ошибочно полагал, будто всякая данная система общественной техники определяет собой систему «трудовых отношений между людьми»⁴⁶. Говоря такое, он «смазывает» требование марксистского метода: определять все феномены политэкономии и социологии через общественные отношения людей. Н. Бухарин приписывает определяющую роль в обществе технике, в то время как ее собственное развитие зависит от характера общественных отношений. Г. Лукач спрашивает: не является ли предположение, что развитие общества зависит от развития техники, таким же ложным натурализмом, как и теория Кунова, которую критикует Бухарин в своей книге? Не возвращает ли она нас в несколько более утонченной форме «к теориям “среды” XVIII и XIX веков»?

Рассматривая соотношение различных сторон в понятии «производительные силы» и их роли в истории, Г. Лукач подчеркивал, что не следует развитие общественных производительных сил объяснять через технику, а следует, наоборот, технику объяснять через развитие производительных сил. Мало того, с его точки зрения, «неправильно по существу и не по-марксистски изымать технику из ряда идеологических форм и приписывать ей самостоятельное существование, независимое от экономической структуры общества».

В доказательство этой позиции он приводит факты прогрессивной эволюции техники в условиях перехода от античности к средневековью и от средневековья к буржуазному обществу. Он, в частности, пишет: «Сколь бы при-

митивными ни были результаты средневековой техники, в сколь бы многих отношениях она ни знаменовала собой регресс в сравнении с известными техническими достижениями античного мира, но тем не менее принцип средневековой техники означает шаг вперед в техническом развитии: в средние века имела место рационализация процесса труда — в противоположность античному миру, где рационализация была направлена исключительно на результат труда... Не слабое развитие техники делает возможным рабство, а наоборот, рабство как господствующая форма труда делает невозможными рационализацию трудового процесса, а опосредствованно — возникновение рациональной техники». Нечто похожее происходит и при переходе от средневекового производства к современному капитализму. По Марксу, предпосылки возникновения машинной техники возникают не благодаря техническому прогрессу как таковому, а благодаря распаду натурального хозяйства, возникновению разделения труда и господства капиталистических отношений на предприятии, развитию массового потребления товаров. Одним словом, современная машинная техника является плодом «многовекового процесса общественных перемен; она является увенчанием и завершением, а не порождающей причиной современного капитализма»⁴⁷.

В этом же духе писал и А. Грамши, считая, что большим недостатком «Популярного учебника...» является наличие многих непроясненных и двусмысленных понятий. По его мнению, в книге, рассчитанной на неподготовленного читателя, «нет четких понятий базиса, надстройки, технического орудия; все общие понятия в нем расплывчаты и туманны. Техническое орудие мыслится как общее, им можно считать любой инструмент и любое

⁴⁶ См. Г. Лукач. Рецензия на книгу Н. Бухарина. «Теория исторического материализма». — «Политические тексты». М., 2006 (www.mesotes.ru/lukacs/bucharin.html).

⁴⁷ См там же.

орудие вплоть до приборов, применяемых учеными в исследованиях, и... музыкальных инструментов. Такая постановка вопроса бесполезно усложняет вещи. При подобном странном способе мышления возникает целый ряд столь же странных проблем: скажем, библиотеки — базис или надстройка, а экспериментальные лаборатории ученых? Если можно утверждать, что искусство или наука развиваются вследствие развития соответствующих технических средств, почему нельзя утверждать и обратного или, например, что некоторые средства являются одновременно и базисом и надстройкой? Еще можно было бы сказать, что некоторые надстройки имеют собственный особый базис, оставаясь при этом надстройками, скажем, полиграфическое дело могло бы считаться материальным базисом целого ряда, а то и всех подряд идеологий, и было бы достаточно существования полиграфической промышленности, чтобы материалистически объяснить всю историю»⁴⁸.

Критикуя книгу Н. Бухарина, А. Грамши показывает, что ее автор, как правило, отождествляет природные и общественные явления: трактует, например, «производительные силы» как явления природы, проводит поверхностные аналогии между открытиями в физике и социальной структуры общества (например, сравнение атомной теории с «робинзоной») ⁴⁹. Кроме того, в книге Бухарина дается ошибочная интерпретация законов материалистической диалектики, которая часто сводится к сумме примеров, весьма далеких от подлинной диалектики как логики и теории познания, в рамках которой борьба противоположностей есть глубинный источник развития всех явлений окружающего нас мира. Так, Грамши,

называет «игрой в слова» известный пример с различными агрегатными состояниями воды, иллюстрацией закона перехода количества в качество: «Упоминается вода, изменяющая свое состояние с изменением температуры (твердое, жидкое, газообразное), в то время как этот феномен чисто механический и вызывается внешним агентом (огонь, солнце, испарение твердой углекислоты и т. д.)»⁵⁰. В подтверждение этих слов достаточно вспомнить, сколько подобных примеров «диалектики» мы в свое время изучали в высшей школе.

С точки зрения «философии практики», утверждает Грамши, производительные силы общества являются «кристаллизацией всей прошлой истории и базой настоящей и будущей истории, документом и вместе с тем активной современной движущей силой»⁵¹. Однако такую активность нельзя смешивать «с активностью в физическом или метафизическом смысле. Электричество исторически активно, но не как чисто природная сила (скажем, как электрический заряд, вызывающий пожар), а как элемент производства, укрощенный человеком», как объект собственности определенных социальных сил, и следовательно, как выражение общественных отношений. Электричество всегда существовало в качестве природной силы, но «не действовало в истории, а было лишь объектом гипотез в истории естественных наук». То же относится и к атомной теории: «не атомная теория объясняет человеческую историю, а наоборот, ибо, подобно всем научным гипотезам и воззрениям, она является надстройкой»⁵².

С точки зрения Грамши, корень многих ошибок Бухарина кроется в попытке разделить «философию прак-

⁴⁸ А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С.187.

⁴⁹ См. там же. С.193—194.

⁵⁰ Там же. С.195.

⁵¹ Там же. С.193.

⁵² Там же. С.195.

тики» на две части: «социологию» и систематическую философию. «Философия, отделенная от теории истории и политики, — по его мнению, — не может быть ничем иным, как метафизикой, тогда как великое завоевание в истории современной мысли, которое являет собой философия практики, заключается как раз в том, что философия понимается в ее конкретной историчности и отождествляется с историей»⁵³. С абстрактным, метафизическим материализмом, игнорирующим диалектику, нельзя идти в массы, тем более невозможно совершать революцию. Здесь во многом существует прямая перекличка взглядов А. Грамши и В. И. Ленина на философские и теоретические работы Н. Бухарина. Как известно, Ленин в своих последних работах отмечал, что взглядам Н. Бухарина присущи определенная схоластика и непонимание диалектики. Правда, он допускал, что этот недостаток Бухарин в будущем может исправить. В связи с этим интересны недавно опубликованные «Тюремные рукописи» Н. Бухарина, написанные в 1937 году, в которых осмыслению диалектики отводится значительное место⁵⁴.

Как уже неоднократно отмечалось, А. Грамши считал, что отличительным признаком марксизма является его тесная связь с практикой, с конкретными нуждами людей и их социальных групп. Историю творят люди своей трудовой, социальной, политической и духовной деятельностью, то есть своей практикой в широком смысле этого слова. Философия является ее отражением и обобщением, следовательно, она выступает прежде всего как философия истории и практики. В отличие от традиционной философии истории, имеющей дело с вечными и неизменными идеями,

законами и категориями, «философия практики» буквально пронизана «историцизмом» (термин Грамши), то есть действительной диалектикой классовой борьбы.

Существует мнение, что Грамши якобы отказался от понятия «класс» в традиционном понимании этого слова. На самом деле ничего подобного не было. И хотя в целях конспирации он не часто употреблял понятия «класс» и «классовая борьба», в его «Тюремных тетрадах» постоянно употребляются такие их синонимы, как «социальная группа», «борьба социальных групп» и т. п. Раскрывая идею гегемонии, он писал: «...гегемонство социальной группы проявляется в двух формах: в форме “господства” и в форме “духовного и нравственного руководства”. Первая форма, то есть “господство”, — это отношения с враждебными группами. Вторая форма, то есть “духовное и нравственное руководство”, — это и есть, собственно говоря, гегемония»⁵⁵.

По Грамши, борьба социальных групп, или классов, в обществе есть одновременно и реальная история. В истории ничего не совершается помимо людей и их социальных групп. Противоречия и борьба этих групп являются мотором истории на протяжении всей человеческой цивилизации. «Философия практики» отражает диалектику этой борьбы. Грамши не уставал говорить о тождестве истории и «философии практики». По его мнению, «философия определенной исторической эпохи — это не что иное, как “история” этой эпохи, не что иное, как совокупность изменений, которые руководящая группа сумела произвести в прошлой действительности; в этом смысле история и философия неразделимы, они образуют “блок”»⁵⁶.

⁵³ Там же. С.163.

⁵⁴ См. «Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сборник документов». М., 2008.

⁵⁵ Цит. по: Б. Р. Лопухов. Антонио Грамши. С. 79.

⁵⁶ А. Грамши. Тюремные тетради. Ч. 1. С. 45.

Подлинная, а не фантастическая история осуществляется реальными людьми, реальными политическими силами, выступающими ее субъектами и творцами. Поскольку простые люди, совершая практические дела, руководствуются тем или иным мировоззрением, той или иной идеологией или философией, они являются стихийными философами. В этом смысле следует изучать мировоззрение «широких масс», а не только «философию философов»⁵⁷. Фактически, историческое значение любой философии и идеологии определяется тем, какое воздействие они оказывают на массовое сознание и поведение людей. Рассматривая вопрос об обратном влиянии философии на общество, Грамши пишет: «Это обратное воздействие, и есть мера ее исторического значения, того, что она не плод индивидуального “ученого корпения”, а “исторический факт”»⁵⁸.

Марксизм как новое мировоззрение является для А. Грамши одновременно наукой и идеологией. Наука исследует закономерности исторического развития, а вытекающая из нее идеология побуждает рабочий класс и его союзников к действию. Таким образом, марксистская наука, ее основные идеи и выводы, овладевая сознанием масс, превращаются в материальную силу. Но это происходит лишь в той мере, в какой наука и основанная на ее выводах идеология отвечают коренным интересам этих масс, совпадают с их жизненными целями и нравственностью. А. Грамши четко различал идеологию как иллюзорные или «произвольные измышления определенных индивидов» и идеологию как надстройку, с необходимостью вытекающую из соответствующего базиса и обратно воздействующую на него: «В той мере, в какой идеологии исторически необходимы, они имеют действительность, “пси-

хологическую” действительность, они организуют людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои общественные позиции, борются и т. д.»⁵⁹

«Философия практики» в антагонистическом обществе является одновременно философией политики. В политике происходит взаимодействие объективных и субъективных моментов в развитии общества. «Невозможно представить, себе, — отмечал Грамши, — распространение в реальной жизни философии, которая не являлась бы в то же время актуальной политикой, тесно связанной с основным видом деятельности в жизни народных масс, то есть с их трудом»⁶⁰.

Раскрывая содержание понятия «философия практики», А. Грамши показывает связь и различие политики и диалектики. Политика и диалектика всегда реализуются через противоречия, но диалектика вечна, а политика преходяща. Последняя существует лишь до тех пор, пока сохраняются социальные антагонизмы; однако она исчезает с исчезновением этих антагонизмов, то есть когда происходит «переворачивание практики», когда «царство необходимости» сменяется «царством свободы». Мировой процесс исчезновения политики сменяется становлением в истории подлинного гуманизма. Здесь наблюдается определенное словесное совпадение мысли Грамши и мысли Маркса, приравнявшего коммунизм к «реальному гуманизму» в своих ранних «Экономическо-философских рукописях», которые, по всей вероятности, автор «Тюремных тетрадей» не читал. Вот характерное для А. Грамши определение «философии практики», которое он противопоставлял бухаринскому пониманию исторического материализма как «марксистской социологии»: «Забыли, что в одном очень

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ Там же. С. 47.

⁵⁹ Там же. С. 75.

⁶⁰ Там же. С. 257.

распространенном выражении (“исторический материализм”. — *Б. С.*) акцент следует делать на термине “исторический”, а не на другом термине, имеющем метафизическое происхождение (“материализм”. — *Б. С.*). Философия практики — это абсолютный “историзм”, абсолютное обмирщение и земной характер мысли, *абсолютный гуманизм истории* (курсив мой. — *Б. С.*). Именно в этом направлении следует разрабатывать основную жилу нового мировоззрения»⁶¹.

Скорее всего Н. Бухарин не знал ни этих высказываний А. Грамши, ни других его критических замечаний на свой учебник по историческому материализму. Тем не менее в поздних работах Н. Бухарина, в том числе написанных в сталинской тюрьме, мы видим его обращение к проблеме гуманистического обоснования пролетарского социализма как действенной альтернативы идеологии и практике фашизма, другим подобным порядкам. Парадоксально, но факт: два совершенно разных представителя марксизма, находясь в тюрьме, под влиянием жизни и политической борьбы приходят к тождественным философским выводам о принципиальной несовместимости гуманистической идеологии социализма с теорией и практикой тоталитаризма.

Гуманистическая интерпретация истории и социализма особенно актуальна в современной России, где значительная часть интеллигенции оказалась идейно дезориентированной. Отказавшись в свое

время от советской во многом догматической идеологии, она под воздействием разрушительных последствий неолиберальных реформ сегодня все чаще уходит в религию или начинает исповедовать сугубо консервативную, дореволюционную идеологию с ее националистическими и державными ценностями. Эта новая «смена вех» в последнее десятилетие охватила почти все сферы идейной и культурной жизни российского общества, порождая новые неразрешимые противоречия в обществе, политике и идеологии.

Однако этот процесс не может продолжаться вечно. В последнее время многие СМИ все чаще стали говорить о наметившемся «левом повороте» в нашем обществе и во всем мире. И он действительно происходит в странах Старого и Нового Света. Этот процесс резко усилился в связи с глобальным экономическим кризисом, последствия которого особенно заметны в изменениях многих политических режимов в Латинской Америке и Северной Африке, в непрекращающихся протестах населения против финансовой политики руководства США и Евросоюза.

Под воздействием жизни и нарастающих социальных противоречий в мире все большее количество людей начинает отвергать порядки буржуазного общества с его всеобщим отчуждением людей друг от друга, культом денег, эгоизма и насилия. Они все чаще утверждают, что «иной мир возможен». В этом альтернативном мире, по их мнению, каждый человек должен стать не средством, а самоцелью общественного развития.

Именно о таком справедливом и гуманном мире мечтали, говорили и говорят лучшие представители марксистской мысли. ◆

⁶¹ Там же. С. 191. Об этом также см. **И. В. Григорьева**. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.